

Проект исследования экспертизы и опыта Г. Коллинза и Р. Эванса как способ преодоления кризиса экспертных знаний: проблема философских оснований

Владислав Р. Калинин

МВШСЭН, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-7873-4683

<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-4-141-158>

Рекомендация для цитирования:

Калинин В. Р. (2023) Проект исследования экспертизы и опыта Г. Коллинза и Р. Эванса как способ преодоления кризиса экспертных знаний: проблема философских оснований. *Социология власти*, 35 (4): 141–158.

For citations:

Kalinin V. R. (2023) Studies of Expertise and Experience as a Way to Overcome the Crisis of Expert Knowledge: The Problem of Philosophical Foundations. *Sociology of Power*, 35 (4): 141–158.

Поступила в редакцию: 10.10.2023;
принята в печать: 27.11.2023
Received: 10.10.2023; Accepted for publication: 27.11.2023

Copyright: © 2023 by the author.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме:

В фокусе внимания статьи — проект британских социологов Г. Коллинза и Р. Эванса по исследованию экспертизы и опыта (SEE). Автором данной статьи предпринята попытка экспликации контекстов говорения об экспертизе как социально-политическом феномене. С одной стороны, экспертиза в одном направлении исследований тематизируется как важная составляющая общественно-политических процессов. Экспертиза определяется в терминах власти, ее способность воздействовать легитимизирующим образом на процессы принятия решений возрастает. С другой стороны, социо-онтологический статус экспертизы нивелируется за счет демократизации доступа к информации и расхождения режимов сосуществования науки и политики, отчего, полагают исследователи, экспертиза пребывает в кризисе. В этих контекстах автор статьи обращается к проекту SEE, призванному устранить побочные эффекты от распространения конструктивистских направлений социологий знания и науки. Поставив под сомнение способность групп иметь доступ к истине и от ее имени формулировать экспертные оценки, конструктивистская социология убрала с интеллектуальной сцены эксперта как носителя специфицированных знаний. Коллинз и Эванс возвращают в повестку исследований экспертизу; они предлагают нормативную типологизацию экспертного опыта. Автор статьи реконструирует логику построения классификаций экспертизы и проблематизирует два

из ее ключевых типов — интеракционная и контрибуционная экспертизы. В статье детально описываются философские допущения, стоящие за понятием «интеракционная экспертиза». Притязания данного концепта — как видится автором проекта — описать не только распространенный тип экспертности, но и стать одним из концептуальных ресурсов для описания общества сомнительны, по причине лингвистического редуccionизма. Коллинз и Эванс в рамках первичного различения типов экспертиз воспроизводят классические проблемы социологической теории.

Ключевые слова: социология экспертизы, интеракционная экспертиза, форма жизни, Г. Коллинз, Р. Эванс

Vladislav R. Kalinin

MSES, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7873-4683

Project Studies of Expertise and Experience as a Way to Overcome the Crisis of Expert Knowledge: The Problem of Philosophical Foundations

Abstract:

142

The focus of the article is the project of British sociologists H. Collins and R. Evans on the Study of Expertise and Experience (SEE). The author of this article attempts to explicate the contexts of talking about expertise as a socio-political phenomenon. On the one hand, expertise is discussed in one line of research as an important component of socio-political processes. Expertise is defined in terms of power, its ability to influence decision-making processes in a legitimising way is increasing. On the other hand, the socio-ontological status of expertise is leveled due to the democratisation of access to information and the divergence of the modes of co-existence of science and politics, which is why, according to the researchers, expertise is in crisis. In these contexts, the author turns to the SEE project, which seeks to address the side effects of the proliferation of constructivist sociologies of knowledge and science. By questioning the ability of groups to access the truth and formulate expert judgements on its behalf, constructivist sociology removed the expert as a bearer of specified knowledge from the intellectual scene. Collins and Evans put expertise back on the research agenda; they propose a normative typology of expertise. The author of the article reconstructs the logic of constructing classifications of expertise and problematising two of its key types — interactional and contributory expertise. The article describes in detail the philosophical assumptions behind the concept of interactional expertise. The claims of this concept — as the author of the project sees it — to describe not only a common type of expertise, but also to become one of the conceptual resources for describing society are questionable, due to linguistic reductionism. Collins and Evans reproduce classic problems of sociological theory within the primary distinction of types of expertise.

Keywords: sociology of expertise, interactional expertise, form of life, H. Collins, R. Evans

Введение. Статус экспертизы в современной социологии

В современной социологической теории можно выделить несколько полярных оценок касательно статуса экспертизы. В первой концептуальной линии статус экспертизы возводится в доминирующее положение в отношении зон принятия решений (публичная политика). Еще в 1990 г. Шейла Ясановф в книге с красноречивым названием «Пятая ветвь власти: научные советники как политики» указывала на возрастающую роль науки в процессе принятия решений [Jasanoff S. 2009]. Основной тезис ее книги заключается в том, что представители регулирующих государственных органов стали более зависимы от научных советников. Однако взаимосвязь между двумя этими субъектами в контексте общественного воздействия их решений приобретает неоднозначные, а иногда и негативные последствия. Отсюда требуется иная процедурность, доверительная рамка и публичная согласованность между экспертами и политиками. Этот подход в той или иной степени тематизируется многими авторами. Стивен Тернер вписывает проблему экспертизы (cognitive authority) в контекст демократии, показывая негативное воздействие неподотчетных народу экспертов на процессы принятия решений [Turner 2013]. Схожую критическую позицию можно обнаружить у известного социального эпистемолога С. Фуллера, для которого экспертиза является определенной формой «когнитивного авторитаризма» [Fuller 2001: 150]. В русскоязычном исследовательском поле часто используют термин «экспертотократия» для описания властвования и гегемонии экспертов в принятии решений [Ашке-ров 2009]. Таким образом, статус экспертизы в обозначенной перспективе занимает одно из доминирующих положений в социальных и политических практиках.

143

В другом направлении мысли, напротив, отмечается кризис, и даже крах экспертизы. Используя яркий и провокативный стиль, Т. Николс в книге «Смерть экспертизы» выделяет крупным планом предмет интеллектуального беспокойства — девальвация статуса эксперта, вызванная различным сочетанием факторов. «Боюсь, — пишет он, — что сейчас мы наблюдаем процесс обесценивания экспертного знания в любой области; спровоцированное Google, Wikipedia и блогами стирание любых границ между профессионалами и дилетантами, студентами и преподавателями, знающими и просто любопытствующими» [Николс 2019: 20]. Другой автор, социолог Г. Эяль, предложил метафору, описывающую кризисное напряжение касемо области пересечений экспертизы, науки и политики [Eyal 2019:13]. В его ориентационно-пространственной метафоре представлено трехполосное движение, где крайний

левый ряд со скоростным движением занимает государственная политика. Крайний правый, медленный ряд занимает наука как область исследований. Кризис возникает на линии пересечения двух крайних полос. Природа этого кризиса вызвана темпоральной рассинхронизацией этих двух рядов. Политические деятели, как правило, принимают решения в модусе «сейчас», тогда как наука функционирует в растянутом временном потоке, поэтому экспертиза в лице ученых выступает формой легитимации постфактум уже принятого политического решения.

Обозначенное нами напряжение в исследовательской литературе побуждает исследователей занять определенную позицию. Мы будем придерживаться второй линии рассуждений. Помимо имманентных факторов, связанных с изменением социологической мысли — о чем мы напишем ниже, — следует добавить в усиление позиций ряд внешних обстоятельств, подрывающих место и роль экспертизы в современном обществе. С одной стороны, действительно, относительная демократизация доступа к знанию разрывает «узкие потоки информации» [Фуллер 2021: 27]. Это приводит к тому, что подрывается базовая монополия специалистов, положение которых зависит от обладания компетенциями и знаниями. Для примера приведем кейс взаимоотношения пациента и врача. Так, человек, испытывающий какого-либо рода болевые ощущения, сам себе ставит диагноз до осмотра и заключения специалиста-врача. Он соотносит свою симптоматику с набором признаков, обозначенных в интернет-источниках. Поставив, таким образом, себе диагноз, пациент осуществил экспертную процедуру вместо врача, подрывая его специфицированную монополию знания [Решетников и др. 2020]. С другой стороны, в доказательство позиции Г. Эяля можно привести пример с распространением эпидемии COVID-19. В логике акселерации информационных потоков процесс принятия решения либо не совпадает с изменившейся конъюнктурой, либо, наоборот, решения принимаются поспешно и без надлежащего научного, шире — экспертного, обоснования. Начало распространения эпидемии COVID-19 актуализировало проблему временного лага между знанием и практикой [Inbar 2020]. Помимо этих двух причин институционального кризиса экспертизы, следует указать бегло и на фактор распространения «постправды» как нарочито антиобъективистскую форму интеракции в публичных коммуникациях.

В этом проблематичном контексте нам представляется необходимым обратиться к исследовательскому проекту по анализу экспертизы и опыта британских социологов Г. Коллинза и Р. Эванса — SEE (studies of expertise and experience). Исходное исследовательское намерение авторов актуализировать экспертизу и придать ей зна-

чимый статус заслуживает внимания. Во-первых, цели социологов сфокусированы на выработку, путем всеохватной классификации, «конечного словаря» экспертизы. Во-вторых, описание, которое разворачивают авторы, заточено на выработку нормативности: кого потенциально можно считать экспертом, а кого нет. И, что важно, позволяет оценить уровень экспертности ученых и граждан. Наконец, Г. Коллинз и Р. Эванс анализируют роль экспертов в принятии публичных решений и определяют возможные варианты инклюзии экспертизы и экспертов. Оговоримся, что в наши цели не входит рассмотрение проекта SEE в целом. В рамках данной статьи мы обозначим ряд факторов, которые поспособствовали девальвации статуса экспертизы и сделали проект востребованным, а также аналитически разберем положения исследовательского проекта Г. Коллинза и Р. Эванса касательно типизации возможных опытов и экспертиз. Далее мы покажем, что некоторые теоретические приращения авторов проекта в силу заложенных философских допущений проблематичны. Наша исследовательская задача — эксплицировать допущения и показать пределы проекта SEE как способа преодоления кризиса экспертизы.

145

От реляционного к реалистическому подходу экспертизы

Что такое экспертиза? Экспертиза, — пишет Фуллер в «Основах управления знаниями», — как термин появляется в 1870-е гг. во Франции. Первоначально экспертов определяли как индивидов, которые вовлекались в судебный процесс в качестве сторонних специалистов или носителей востребованных для судопроизводства компетенций. «Первые эксперты были призваны в качестве свидетелей в судебных процессах по выявлению подделок почерка. Эти люди имели опыт в распознавании сценариев, которые казались неразличимыми обычному наблюдателю» [Fuller 2001: 144]. Экспертиза (expertise) как понятие отсылало к этимологически изначально базовому понятию опыта (experience) и означало своего рода испытание проблемного объекта, в том числе условий его данности. Ключевое отличие эксперта от ученого в то время маркировалось в способе артикуляции и манифестации опыта. Во-первых, требовалось публичное рассуждение и построение выводов. Во-вторых, демонстрируемый опыт легитимировался публичным признанием и доверием. И наконец, экспертиза строилась на оценке, по результатам которой можно было бы сделать практические выводы.

В свою очередь, эксперт — это не публичный интеллектual и не «человек с улицы», как выразился бы А. Шюц. Интеллектual осуществляет общественную критику и публично артикулирует

свою позицию и свое отношение по проблемам текущей повестки. Это вовсе не означает, что интеллектуал не может быть экспертом. Общим основанием для них является то, что они существуют «за счет расстояния между здравым смыслом и техническими или общими знаниями. Это расстояние, конечно, в основном создается и поддерживается интеллектуалами и экспертами» [Grundmann at el. 2012: 29]. Там, где за экспертом закрепляется техническое, специализированное знание, интеллектуал относится к общему домену знания, вовлекая их как культурный ресурс для формирования «Weltanschauung». Человек с улицы живет в мире связанных самоочевидностей и не располагает эпистемической привязанностью к проблемной области познания, чего нельзя сказать об эксперте. Наоборот, самоидентификация индивида как эксперта возможна лишь в той мере, в какой устанавливается особая связь с предметным полем, в котором располагаются объекты экспертного анализа. Согласно Карин Кнорр-Цетинной, «объекты выполняют фокусирующую и интегрирующую роль в режимах экспертизы, превосходящих время жизни эксперта. В подобных режимах объекты формируют коллективные договоренности и моральный порядок. Кроме того, объектные миры создают контекст, в котором работает эксперт, тем самым представляя собой что-то вроде эмоционального убежища для личности эксперта» [Кнорр-Цетина 2006: 281].

146

Говоря о качествах эксперта, Фуллер подчеркивает, что речь не идет про субстантивные и универсальные свойства. Скорее, роль эксперта социально относительна постольку, поскольку качество и статус зависят от признания других акторов или институтов. Стив Фуллер аргументирует это следующим образом. Во-первых, для формирования экспертного опыта требуется культурная социализация и образовательная среда, в которой опыт может усваиваться. Это означает, что типы экспертиз зависят от специфицированных типов подготовок и научений. Во-вторых, экспертизы применяются в специфических и местных контекстах, где необходимо проявить определенный тип опыта. Недопустимо демонстрировать экспертное знание в нерелевантном контексте. И наконец, эксперт существует в когорте других экспертов, которые либо оспаривают, либо подтверждают его экспертные притязания [Fuller 2001: 145-146].

В социальной атрибуции эксперта имплицитно заложено реляционное измерение. Реляционность означает в данном случае ролевую зависимость эксперта. То есть эксперт объективируется и идентифицируется в социальном пространстве как эксперт другими акторами. «В реляционных подходах, — отмечают Коллинз и Эванс, — экспертиза рассматривается как вопрос взаимоотношений экспертов с другими. Концепция, согласно которой экс-

пертиза — это всего лишь «атрибуция» — часто ретроспективное присвоение ярлыка, — является примером реляционной теории» [Collins, Evans 2007: 3]. Относительный характер конструирования экспертизы предполагает, таким образом, что экспертиза, как и сам статус эксперта, возникает во время внешнего запроса и что в самой экспертизе нет внутренних свойств. Основной фокус смещается в сторону уполномочивающих инстанций и акторов, предписывающих индивидам говорить как экспертам. Сложности с реляционной характеристикой стали особо заметны с распространением конструктивистских направлений в социологии и развитием пост-модернизма [Fischer 2009: 137-138].

Одним из ярких примеров направления, подорвавшего доверие к статусу эксперта, — социология науки и техники, развиваемая акторно-сетевым теоретиком Б. Латуром и коллегами по цеху STS. Определив, что научный факт — это результат конвенций, результат споров, борьбы за внимание спонсоров и публики, социологи конструктивистского подхода из STS подорвали доверие к науке как автономной сфере производства знаний. Латур новаторским решением встроить социологическое описание не только в контекст, но и в само содержание знаний побочно затронул экспертизу как перекрестное явление научной теории и практики принятия решений. Не только статус эксперта стал относительным, т. е. социально конструируемым, но и потенциально само знание приобрело нестабильную природу и зависимость от, используя выражение Л. Флека, стиля мышления. В ходе двойной релятивизации (социальной и научной) был проложен путь к подрыву экспертизы как определенной практики, сложившейся институционально еще в начале XX в. Расширим этот тезис с помощью обращения к Г. Коллинзу и Р. Эвансу, которые впервые указали на побочные эффекты STS для экспертизы. В предложенной ими периодизации развития социологии науки следует выделять три волны изменений, связанные с реконцептуализацией объекта исследований и постановкой исследовательских задач. В рамках первой волны, длившейся до середины 1960-х гг., были предложены описания, заточенные на выявление факторов успеха научных открытий, как и на факторы распространения знаний в институциональных средах. Ярким примером работ в первой волне могут являться произведения Р. Мертоня по социологии науки. Авторы проекта SEE пишут: «Поскольку науки считались эзотерическими и авторитетными, было немыслимо, чтобы принятие решений в вопросах, связанных с наукой и технологиями, могло идти в каком-либо другом направлении, кроме как сверху вниз» [Collins, Evans 2002: 239]. Именно авторитет науки и ее эзотеризм обеспечивал прочное социальное и политическое положение экспертизы. Легитимность науки, другими словами, распростра-

лась также и на экспертов, от имени которой они и осуществляли свой *modus operandi*.

Следующая волна — распространение релятивизма и конструктивизма. Ключевой особенностью работ в данный период — обращение к экстранаучным факторам, определяющим научный процесс. От Д. Блура, у которого математика есть производная социальных практик, до Б. Латура, полагавшего, что открытия Пастера, равно и пастеризация Франции — есть результат в том числе сочетания политических и социальных альянсов. Разъяв замкнутость научного мира и обнаружив там поле борьбы, социологи подорвали авторитетность науки и экспертизы. В связи с этим возникают закономерные вопросы. Как можно доверять эксперту, говорящему от лица «научного», сконструированного путем ненаучных средств объекта? В этом случае придется признать, что глобальное потепление и ГМО — это конвенции, за которыми скрывается чья-то злая воля, либо контрверзы — несостоявшиеся по социально-политическим причинам научные факты. Надо сказать, что не только Коллинз обозначил негативные последствия так называемой второй волны социологии науки и технологий. Латур также был обеспокоен идеологизацией научных фактов, которые ранее им подвергались социологической деконструкции и денатурализации. «В то время как мы, — пишет он, — годами пытались обнаружить реальные предубеждения, скрытые за видимостью объективных заявлений, теперь нам предстоит выявить реальные объективные и неопровержимые факты, скрытые за иллюзией предубеждений?» [Latour 2004: 227].

Третья волна за авторством Коллинза и Эванса возникла вследствие проблематичных побочных эффектов от предыдущей волны. Это попытка, с одной стороны, в противовес реляционной теории экспертизы, заново сформулировать нормативное определение экспертизы, которое в силу наличия верифицированных критериев опыта и рациональности будет способно маркировать вариацию экспертизы. И с другой стороны, попытка вернуть в тематическую повестку взаимоотношения ученых и политиков, свободных от принципа партийности в науке и научной партийности. В конечном счете, как указывают авторы, основная задача социологии науки и техники в рамках третьей волны — указать релятивистски и конструктивистски настроенным социологам, что экспертиза — это не ведомство риторики и не символический трюк [Collins, Evans 2015: 120].

Типология экспертиз и интеракционная экспертиза

Первый шаг Г. Коллинза и Р. Эванса на пути к реактуализации экспертизы состоял в выделении «идеальных типов» экспертов. К таковым они относили «интеракционный» и «контрибуционный» типы

экспертиз. Главная задача состояла в том, как сформулировать типы экспертных знаний и определить, как они могут сочетаться друг с другом [Collins, Evans 2002: 254]. В дальнейшем они расширили типы экспертизы, в результате чего получилась «периодическая таблица экспертных знаний». По словам Коллинза, она «представляет собой попытку перечислить исчерпывающим образом все типы экспертных знаний, которые могут иметь отношение к вопросам принятия технических решений в общественном поле, от универсальных до специализированных» [Collins 2018: 71].

Таблица 1. Периодическая таблица экспертизы и опыта
Table 1. Periodical table of expertise and experience
[Взято из: Collins, Evans 2007: 159]

Повсеместная экспертиза					
Специ- альная экспертиза	Повсеместное неявное знание			Специальное неявное знание	
	Знание пивной подставки	Популяр- ное пони- мание	Знание из перво- источ- ника	Интерак- ционная экспер- тиза	Контри- буционная экспер- тиза

В таблице они выделяют несколько уровней типологий. Важным разделом периодической таблицы экспертизы является категория «повсеместной» (ubiquitous) экспертизы. Примером такого типа опыта и знания является общий для всех когнитивный ресурс — повседневный язык. Следующий уровень в периодической таблице — «специальная экспертиза», которая, в свою очередь, подразделяется на повсеместные и специальные неявные знания. Повсеместное специальное знание включает в себя несколько позиций: «знание пивной подставки», «популярное понимание», «знание из первоисточника». Первая позиция, несмотря на причудливое название, отсылает к знанию отдельного факта. Это элементарная информация: как перемещать слона на шахматной доске, знание состава продукта и т.п. «Популярное понимание» складывается из потребления научно-популярных источников. Пример суждения в рамках популярного понимания может быть таков: «спрос рождает предложение». Оба режима экспертизы зависят от «низкой пропускной способности» средств информации, которые обеспечивают

общественное понимание и опытное знание [Collins, Evans 2007: 21]. Третий тип экспертизы — «знание первоисточника» — ближе к специализированному, однако в отличие от последнего не требует владения узкоспециализированным неявным знанием и находится в поле повсеместных практик. Учебники, как правило, написаны простым языком и подходят для первичного ознакомления и погружения в тематику. Углубление и дальнейшая специализация знания и опыта требует контакта с экспертным сообществом, так как только находясь внутри сообщества, можно отследить ключевые проблемы и точки напряжения в рамках конкретной темы [Ibid.: 22].

Контрибуционный опыт, которому авторы уделяют пристальное внимание, приобретается путем «полномасштабного физического погружения» (т. е. посредством практики) в предметное поле. Здесь закладываются зоны экспертных знаний [Collins, Evans 2002: 254]. Контрибуционные эксперты — это субъекты научных и производственных практик: они решают конкретные, физические, материальные, интеллектуальные задачи. В качестве контрибуционных экспертов могут выступать специалисты, ученые, деятельность которых локализована лабораторной практикой: физики, экспериментирующие над материалом, вирусологи, секвенирующие последовательность генома, и т.п. Контрибуционные эксперты как практики и как носители определенных навыков создают то, что может стать предметом опыта и исходным элементом цепочек знаний и информации. Важно подчеркнуть, что генерируемый ими опыт должен перейти из потенциального режима в действительный. Для внешних наблюдателей такой тип генерации знания и опыта представляется эзотеричным процессом. Это значит, что носители такой экспертности не будут считываться сторонними акторами как эксперты в силу отсутствия предпосылок и критериев, раскрывающие значимость их знания и опыта для общественных отношений. Кроме того, потенциальная коммуникация контрибуционных экспертов, например, с гражданами, затруднительна по причине герметичности их эпистемического мира. Поэтому, утверждают авторы периодической таблицы, такой тип опыта и экспертизы нельзя отнести к социальному регистру. Контрибуционная экспертиза — несоциальна. Интеракционная экспертность, напротив, приобретается исключительно «через лингвистическую социализацию» с практикующими агентами в данной области и позволяет свободно говорить на специализированном языке без телесного вовлечения в сами практики.

Интеракционная экспертиза отвечает как за насыщение нового опыта интерпретацией, так и за передачу потенциального нового знания. Благодаря такому типу экспертизы бессмысленный контрибуционный опыт для наблюдателя становится осмысленным,

встраивается в ясную смысловую картину. Интеракционная экспертиза осуществляется во многих сферах профессиональной практики. Наиболее выпукло присутствует там, где требуется сложная координация разнопорядковых экспертных позиций: в правительственных комиссиях, на врачебных консилиумах и т. д. Также опыт взаимодействия обнаруживается, например, в практиках слепого рецензирования научных статей. Рецензент может выступать из смежной области знания. Маловероятно, что и эксперименты, описываемые в статьях, рецензенты проводили. Однако интеракционный опыт рецензентов позволяет сформулировать суждение о валидности научной статьи. Помимо рецензирования этот тип опыта также используется в журналистской и управленческой деятельности. Перечисленные акторы интеракционного опыта способны переводить эзотерическое или узкоспециализированное знание в общедоступное, т. е. встраивать в созданный практиками опыт новые значения и транспонировать в расширенный контекст или переводить на язык, доступный всем членам общества [Collins, Evans 2007: 73]. Носители опыта взаимодействия, таким образом, замыкают замкнутость мира, в котором создаются научные факты. Перечисленные уровни экспертизы структурированы от простого к сложному. Авторы отмечают, что деление не маркирует все вариации опыта. Это объясняется тем, что любая типизация работает в срезе синхронии и как таковая неустойчива к темпоральным изменениям. Тем не менее представленные типы экспертности могут служить своего рода вспомогательной картой для лиц, перед которыми стоит проблема интеграции экспертизы в процесс принятия решений. Если опыт, лежащий в основании экспертизы, распределен между акторами неравномерно, должен быть инструмент, позволяющий категоризировать и классифицировать его. Соответственно, научная легитимность решения, в том числе политического, пропорциональна тому, какой тип опыта и экспертизы был вовлечен в качестве обоснования решения.

151

Разработанный авторами проект SEE также имеет ценность и для тех, кто озабочен проблемой неподотчетности экспертов в процессе формулирования политики (policy). Непрозрачность выбора экспертов в правительственные комиссии или назначение на должности — предмет общественных дискуссий. И как само участие граждан, не обладающих экспертными навыками, в процессе принятия решений. Проблема экспертного элитизма, т. е. своего рода монополизма на формулирование экспертной оценки и экспертного эгалитаризма, где каждый является носителем актуального и/или виртуального опыта, нивелируется путем выстраивания таксономии экспертности. Разнообразие и диапазон опыта как гаранта экспертизы должно быть гармоничным образом построено и затем

встроено в практики демократического участия. Без наличия такой «предустановленной гармонии» открывается дорога популизму. Авторы резюмируют, что следует осторожно увеличивать разнообразие (diversity) экспертизы особенно в той части, где обсуждаются сложные технические, проблемные вопросы, и исключать тех, кто не имеет вовсе опыта в данном вопросе. Напротив, в той части, где данный вопрос стал предметом формулирования общественной политики, требуется демократизация доступа экспертизы для всех заинтересованных лиц [Collins et al. 2020: 83].

Следует признать, что не все авторы разделяют оптимизм в отношении способности авторов проекта сформулировать нормативное решение проблемы экспертизы и ее места в рамках демократических практик [Wynne 2003; Jasonoff 2003]. Так, Ш. Ясановф утверждает, что Коллинз и Эванс не желают учитывать прежде всего политическую природу экспертизы. Роль граждан в сферах принятия государственных решений основана у них на редукционистском представлении. В любом случае, демаркация уровня экспертизы, критерии применимости опыта, как и разделение науки и политики в целом, ситуативно устанавливаются вовлеченными в локальные контексты учеными, политиками и гражданами, а не нормативными предписаниями [Jasonoff 2003: 398]. Спустя 13 лет после запуска своего исследовательского проекта по изучению экспертизы и опыта (точка отсчета — публикация одноименной статьи «Третья волна в исследовании науки: исследование экспертизы и опыта» в 2002 г.) британские социологи стали утверждать, повышая теоретические ставки, что одно из главных понятий их словаря — интеракционная экспертиза — «потенциально может стать основой для теории общества» [Collins, Evans 2015: 119]. Однако нам представляется такое интеллектуальное притязание весьма проблематичным.

О философских основаниях интеракционной экспертизы

В этой части текста мы преследуем две задачи: проблематизировать философские допущения и тем самым обозначить пределы проекта SEE. Коллинз и Эванс открыто указывают на философские предпосылки проекта и задействованные ими философские концепты. В их типологии, как на повсеместном, так и на специальном уровне экспертизы отчетливо используется концепт неявного знания. Неявное, или практическое знание — понятие, введенное в оборот М. Полани. Многие социальные действия исполняются в фоновом режиме, исключаящем рефлексивные установки относительно того, как это действие должно осуществляться. Это знание не выражается в пропозициональном языке. Знание того, как ездить на ве-

лосипеде, указывает М. Полани, не дано в эксплицитной форме. «Писанные правила умелого действия могут быть полезными, но в целом они не определяют успешность деятельности: это максимумы, которые могут служить путеводной нитью только в том случае, если они вписываются в практическое умение или владение искусством» [Полани 1995: 83]. Сам Коллинз, в отличие от М. Полани, не считает, что имплицитные фоновые знания должны быть только личностными. Напротив, доказывает он, следовало бы расширить узкий диапазон неявных личностных знаний до коллективных. В его классификации неявных знаний выделяются соматические неявные знания, характеризующие телесное поведение, реляционное неявное знание, отсылающее к отношению между акторами, а также коллективное неявное знание. Именно коллективы устанавливают границы условий применимости неявных знаний [Collins 2010]. В свете экспертизы неявные знания позволяют носителям опыта расширять контексты знаний. Знать не только правило, информацию и т.п., но и знать, где и как это правило или информацию применять. Применимость повседневного языка является примером коллективного неявного знания. Так, в некоторых культурах ближнего Востока читают и пишут не так, как принято в других культурах — справа налево. «Неявное знание для Коллинза — это знание значений словоупотреблений, и оно возникает тогда, когда возникает человеческое сообщество» [Столярова 2018: 45].

153

Вторым, наиболее важным источником философских оснований для проекта SEE являются поздние работы Витгенштейна. Ядром интеракционной экспертизы является концепт «формы жизни». Не будет ошибкой считать такой тип экспертизы социологическим воплощением концепта Витгенштейна. «С философской точки зрения интеракционная экспертиза в том виде, в каком она впервые появилась, делает новое утверждение о том, как работают формы жизни и как люди вписываются в них» [Collins, Evans 2015: 116]. Известно, что Витгенштейн так и не дал четкого определения форм жизни (надо оговориться, что это и не входило в его намерения). Формы жизни не дефинируются, а описываются. Эта дескриптивная стратегия в то же время и порождает условия для разночтений.

Как реинтерпретирует концепт формы жизни Г. Коллинз? Форма жизни у него — это речевые акты в рамках правилосообразных действий; она определяется правилами, имеющими свою темпоральную дискретность и пространственную локальность. Употребление языка, прежде всего для Коллинза, — это форма жизни. Коллинз исключает материальность практик из формы жизни и этим решением, на наш взгляд, порождает контрпродуктивное последствие, заключающееся в проблеме несводимости материального и символического. Обратим внимание, что для самого Витгенштейна

дилемма физического и ментального, внешнего и внутреннего, которую нарочито вводит Коллинз, являлась ложной проблемой. Разберем этот момент.

Оставаясь в поле витгенштейнианской философии, Коллинз делает нетривиальный ход, высвобождающий ему место для интеракционной экспертизы как модели теории общества: между формой жизни как языковой игрой существует зазор, зона, отделяющая ее от телесной практики. Овладевая языком практики, а не самой практикой, эксперт может свидетельствовать о приобщении к форме жизни. Поскольку сама форма жизни конституирована как практика только в языке и в речевой прагматике, постольку и опыт этой формы жизни может быть дан исключительно в языке. Аргументация здесь следующая. Интенциональное содержание действия определено лингвистически. Объект дан в том виде, в котором он представлен субъекту, благодаря первичному акту означивания самого объекта со стороны субъекта. В этом смысле любая перцепция материального мира языковым образом опосредована, что означает предшествование языковых форм в усвоении всегда уже обозначенного и поименованного опыта или объекта опыта. Если данный аргумент наложить на интеракционный и контрибуционный типы экспертизы, то мы получаем два вида опыта: языковой и физический. Однако про физический опыт (контрибуционную экспертизу) нельзя сказать ничего определенного до тех пор, пока он не станет частью языкового. Применяя далее этот ход мысли к экспертизе, скажем, что контрибуционные эксперты, работающие внутри материального мира, экспертами как таковыми не являются до тех пор, пока их опыт и знание не станут предметом выражения и говорения со стороны интеракционных экспертов. Иначе говоря, контрибутивный опыт конституируется (признается таковым) только в перспективе опыта взаимодействия и то, насколько он будет принят, прямо зависит от языковых практик перевода. Это решение кажется странным и даже нелогичным, учитывая первоначальное намерение Коллинза освободить статус экспертизы из-под «ведомства риторики». Объяснить это решение можно двумя способами. С одной стороны, следует упомянуть биографический опыт самого британского социолога.

Будучи «прикомандированным» социологом и включенным наблюдателем в лаборатории физиков, занимавшихся изучением гравитационных волн, Коллинз усвоил словарь своих «подопечных», не участвуя в реальной работе с приборами. Данный опыт дал Коллинзу импульс к разработке модели имитационной игры, своего рода теста Тьюринга. В имитационной игре аудитория получает ответы на вопросы как со стороны контрибуционного эксперта, так и интеракционного. Главная задача аудитории — распознать, кто

из них действительно является носителем опыта, а кто относится к интеракционной экспертизе. Опыт взаимодействия с физиками позволил Коллинзу успешно представить себя в рамках игры представителем этой науки таким образом, что другие наблюдатели не смогли его разоблачить. С другой стороны, социологическое прочтение Витгенштейна было во многом обусловлено интерпретацией П. Уинча [Ibid.]. То, что Уинчу представлялось продуктивной исследовательской метафорой — рассматривать социальные взаимодействия как разговор, «обмен идеями в разговоре» [Уинч 1996: 96] — для Коллинза стало онтологическим основанием построения теории экспертизы и опыта. Предшествование лингвистических отношений физическим берется Коллинзом именно у Уинча. В итоге действие является социальным в той мере, в какой оно опосредовано языковой игрой. Минимизация роли телесных практик в процессе инсталляции опыта, а стало быть, и контрибуционной экспертизы, для Коллинза и Эванса обусловлено жестким разделением языка и телесной практики. Интеракционная экспертиза возможна при удержании разделяющей границы и погружения в понимание (язык) практик, но не в саму практику. Являясь социальным оператором формы жизни, концепт опыта взаимодействия призван отразить условия сочетания форм жизни, их перехода и взаимопроникновения. Введенный Коллинзом и Эвансом картезианский дуализм, как и, впрочем, всякий дуализм, порождает перечень классических философских проблем соотношения внешнего/внутреннего, материального/ментального и прочее. Так, О. Столярова предлагает рассматривать подход Коллинза не как картезианский, а как кантианский. Бинарная схема контрибуция/интеракция ложится на кантовское различие вещи-в-себе и вещи-для-нас. В таком случае, продолжая кантианские размышления, контрибуционную экспертизу нельзя познать, ее только можно мыслить, что она есть, и не более того [Столярова 2018].

155

Если для философии такие проблемы традиционны, то для социологии как автономной науки дуализм может иметь негативные последствия [Филиппов 2003]. Коллинз и Эванс, онтологизируя формы жизни как фундамент интеракционной экспертизы, сводят тем самым социологический проект исследования экспертизы к лингвистическому региону знания. Притязание концепта интеракционной экспертизы на то, чтобы быть теорией общества в этом изводе, выглядит, на наш взгляд, необоснованным, поскольку из такой теории изъяты телесные практики и навыки. Теоретический ход Коллинза и его соавторов в конечном счете приводит к тому, что основной источник экспертизы (контрибуционный опыт) — телесные, физические практики — становится недоступным для объективации *per se*. Вместе с телесными практиками исчезает и чув-

ственность как дополнительный источник понимания, вследствие чего возникает закономерный вопрос о валидности и истинности перевода опыта и экспертизы. В какой мере мы можем быть убеждены в неискаженности переведенного знания в рамках интеракционного взаимодействия? Является ли объект экспертного знания одним и тем же в рамках двух потенциально разных, но созависимых друг от друга видов экспертиз? В неспособности сформулировать ответы на эти вопросы мы обнаруживаем объяснительную слабость проекта SEE.

Библиография / References

Ашкеров А. А. (2009) *Эксперткратия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма*. М.: Европа.

— Ashkerov A. A. (2009) *Expertocracy. Knowledge Management: Production and Circulation of Information in the Epoch of Ultracapitalism*. Moscow: Europe. — in Russ.

Кнорр-Цетина К. (2006) Социальность и объекты. Социальные отношения в пост-социальных обществах знания. *Социология вещей*. М.: Территория будущего: 267-306.

— Knorr-Cetina K. (2006) Sociality and objects. Social relations in post-social knowledge societies. *Sociology of things*. Moscow: 267-306. — in Russ.

Николс Т. (2019) *Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания*. М.: Бомбра.

— Nichols T. (2019) *Death of expertise: how the Internet is killing scientific knowledge*. М.: Bombra. — in Russ.

Решетников А. В., Айвазян Ш. Г., Присяжная Н. В. (2020) Роль участкового врача во мнениях молодых и опытных профессионалов. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2: 331-346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.764>

— Reshetnikov A. V., Ayvazyan Sh. G., Prisyazhnaya N. V. (2020) The role of the district doctor in the opinions of young and experienced professionals. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2: 331-346. — in Russ.

Полани М. (1995) *Личностное знание. На пути к посткритической философии* / Под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова; пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. М.

— Polanyi M. (1995) *Personal knowledge. On the way to postcritical philosophy* / Edited by V. A. Lektorsky, V. A. Arshinov; transl. by M. B. Gnedovsky, N. M. Smirnova, B. A. Starostin. Moscow. — in Russ.

Столярова О. (2018) Третья волна исследований науки как философское обоснование STS. *Логос*, 28, 5(126): 31-52.

— Stolyarova O. (2018) The Third Wave of Science Research as a Philosophical Justification of STS. *Logos*, 28, 5(126): 31-52. — in Russ.

Уинч П. (1996) *Идеи социальной науки и ее отношение к философии* / Перевод с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. М.: Русское феноменологическое общество.

— Winch P. (1996) *Ideas of social science and its relation to philosophy* / Transl. by M. Gorbacheva, T. Dmitriev. M.: Russian Phenomenological Society. — in Russ.

Филиппов А. Ф. (2003) *Теоретические основания социологии пространства*. М.: Канон-ПрессЦ.

— Filippov A. F. (2003) *Theoretical foundations of the sociology of space*. M.: Kanon-Press-C, 2003. — in Russ.

Фуллер С. (2021) *Постправда: знание как борьба за власть*. М.: Изд-во ВШЭ, 2021.

— Fuller S. (2021) *Post-truth: knowledge as a struggle for power*. Moscow: HSE, 2021. — in Russ

Collins H. M., Evans R. J. (2015) Expertise Revisited. Pt. I: Interactional Expertise. *Studies in History and Philosophy of Science*, pt. A 54: 113-123. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1611.04423>

Collins H., Evans R. (2007) *Rethinking expertise*. Chicago: University of Chicago Press.

Collins H., Evans R. (2002) The third wave of science studies: studies of expertise and experience. *Social Studies of Science*, 32 (2): 235-296. <https://doi.org/10.1177/0306312702032002003>

Collins H. (2018) Studies of Expertise and Experience. *Topoi*, 37: 67-77. <https://link.springer.com/article/10.1007/s11245-016-9412-1>

Collins H. (2010) *Tacit and Explicit Knowledge*. Chicago: The University of Chicago Press.

Collins H. M. et al. (2020) *Experts and the Will of the People*. Cham: Palgrave Macmillan.

Fischer F. (2009) *Democracy and expertise: Reorienting policy inquiry*. OUP Oxford.

Fuller S. (2001) *Knowledge Management Foundations*. Routledge.

Eyal G. (2019) *The Crisis of Expertise*. Polity Press.

Grundmann R., Stehr N. (2012) *Experts: The knowledge and power of expertise*. London: Routledge.

Inbar D. (2020) *Bash the Expert: Expertise Amid the COVID-19 Crisis Conference Summary*. Institute for National Security Studies (INSS).

Jasanoff S. (2003) Breaking the Waves in Science Studies: Comment on H. M. Collins and Robert Evans, "The Third Wave of Science Studies". *Social Studies of Science*, 33 (3): 389-400. <https://doi.org/10.1177/03063127030333004>

Jasanoff S. (1990) *The fifth branch: science advisers as policymakers*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.

Latour B. (2004) Why has critique run out of steam? From matters of fact to matters of concern. *Critical Inquiry*, 30(2): 225-248. <http://dx.doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.764>

Turner S. P. (2013) *The Politics of Expertise* (1st ed.). Routledge.

Wynne B. (2003) Seasick on the Third Wave? Subverting the Hegemony of Propositionalism: Response to Collins & Evans (2002). *Social Studies of Science*, 33(3): 401-417. <https://doi.org/10.1177/03063127030333005>

Калинин Владислав Романович — магистр социологии, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), старший преподаватель МВШСЭН. Научные интересы: социология политики, governmentality studies. ORCID: 0000-0002-7873-4683. E-mail: vrkalinin1@gmail.com

Kalinin Vladislav — MA in Sociology, MSSES, senior lecturer MSSES. Scientific interests: sociology of politics, governmentality studies. ORCID: 0000-0002-7873-4683. E-mail: vrkalinin1@gmail.com